

ОМУТ В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Джули Оцука. Пловцы / Пер. Е. Макаровой. — М.: Лайвук, 2024. — 224 с.

«Пловцы» — третья книга американской писательницы Джули Оцуки, за которую в октябре 2023 года она получила медаль Эндрю Карнеги «за выдающиеся литературные достижения». Среди других произведений Оцуки «Пловцы» отличаются смещением фокуса с культурно-исторической связи Японии и США на более локальный уровень истории распада одной семьи. Правда, нельзя сказать, что направление мысли писательницы всегда строго идет к частному нарративу через общечеловеческий или наоборот, — скорее структура этой мысли всегда фрагментарно встраивает одно в другое. То же самое благодаря своеобразному повествованию Джули Оцуки происходит и в романе «Пловцы».

Голый сюжет книги обрывочно рассказывает о судьбе пожилой женщины по имени Элис, чей жизненный путь привел ее к не особенно примечательной старости, в которой есть (а потом уже «был») еженедельный бассейн, тусклый быт с мужем, разъехавшиеся по миру взрослые дети — и разновидность деменции, под воздействием которой плавно угасает ее сознание. Полный же нарратив преимущественно изображает ворох мыслей, жизненных установок и переживаний людей вокруг Элис. И самым главным голосом среди них является восприятие всей истории дочерью главной героини.

Она помнит, как впервые искупала вас на третий день после вашего появления на свет. Она помнит, что вы были очень толстым ребенком. Она помнит, что вашим первым словом было «нет».

Именно таким образом писательница оформила нарратив «Пловцов», говоря о том, что «мы» знаем, чувствуем и делаем, будучи ее дочерью. И именно в этой детали кроется главный эффект воздействия книги на читателя: в ней раскрывается базовый человеческий страх в отношениях с родителями — это страх не успеть сказать самые важные слова, не успеть выполнить давние обещания и не сделать того, что сделать про-

сто необходимо, пока не станет слишком поздно. Дочь Элис как раз-таки не успела. Родитель еще жив, но момент позаботиться о нем как должно уже упущен. Пожилая женщина сидит в доме престарелых и больше не внимает окружающей ее действительности.

Еще одна история, которая рассказывается на страницах «Пловцов», — это аллегоричная история муниципального бассейна, на дне которого образуется трещина, а впоследствии его закрывают. В этой части книги «мы» — это типичные любители спортивного плавания из американского мегаполиса. В данном случае это не кто-то конкретный, а скорее разрозненный образ человека, имеющего свои причины каждую неделю появляться в темном помещении с хлорированной водой.

Кто-то назовет нашу привязанность к бассейну чрезмерной, если не патологической. «Мне так жаль, что тебе приходится проплывать ровно шестьдесят восемь дорожек».

В этой части книги Джули Оцука переходит от умильной поэтики вещей и описания быта маленьких происшествий обитателей бассейна к стилистике скорее хроники или репортажа, где каждый из посетителей трактует события в зависимости от своего рода деятельности. Сначала мы узнаем о потерянных в воде предметах, о правилах обгона на дорожках, о часто меняющихся инструкторах на белых стульчиках, об администрации организации и ящичке для жалоб и предложений; а затем, когда на дне бассейна возникает зловещая трещина, мы слышим голоса и мнения всевозможных ученых, спортсменов, рекламщиков, пенсионеров, инспекторов и представителей других групп людей о том, как они интерпретируют эту трещину под водой. Завсегдатаи бассейна испытывают страх, выражают сомнения, покидают клуб плавания, формируют всевозможные теории вокруг маленькой линии. И все это является длинной метафорой встречи человека с неотвратимым.

В этих эпизодах на поверхности всплывает немаловажный для американского менталитета вопрос самоидентификации. Принадлежность к той или иной группе людей — это ключ к трактовке жизненных перипетий. Правда, в таком случае возникает вопрос первичности или вторичности этой самоидентификации: наша деятельность формирует призму восприятия жизни или жизненный путь приводит нас к тому или иному месту в обществе? Джули Оцука не дает ответа в своем романе, скорее подчеркивая незначительность идентификации себя перед естественным ходом событий. Иными словами, неважно, является ли трещина наказанием от Бога за грехи или же является результатом глобального потепления, — бассейн будет закрыт, а все пловцы будут должны «вернуться на поверхность».

Эта простая истина и транслируется через персонажа Элис, которая так же, как и все, застаёт конец любимого места для плавания. Потеря памяти позволяет постигнуть болезненное принятие факта без дополнительных стадий отрицания, гнева, торга и депрессии. В этом можно усмотреть черты японской философии, которая может быть свойственна и Элис, и самой Джули Оцуке, так как их корни уходят в далекую восточную страну.

Объединяет две описанные истории мотив забвения, эдакого дыхания Танатоса. Как люди, не столь важно, где родившиеся и к какой культуре принадлежащие, предаются самозабвению во время пересечения резервуара с водой туда-сюда, так и люди, не столь важно, из какой среды вышедшие и с какой историей за спиной, забывают свою прошлую жизнь, которая была за пределами дома престарелых. «Пловцы» Джули Оцуки можно сравнить с «За закрытыми дверями» Жана Поля Сартра: методично, почти буднично, в замкнутом пространстве происходит системный распад воспоминаний человека, чей конец уже определен. Вот уж действительно — омут в четырех стенах.

Однако во всем этом, как и в упомянутом произведении Сартра, помимо принятия неизбежного чувствуется и горестный надлом. Тихое угасание, смирение и достой-

ная, как у самурая, смерть совсем не означают комфорт и уют. В этом месте почему-то при чтении произведения Джули Оцуки снова всплывают в голове особенности американского менталитета. словно японское смирение в духе эстетики Ваби-саби встречается с распространенной в США этикой добропорядочности и вежливости.

Если вам посчастливилось найти то, что вы искали, не надо подбрасывать вверх кулак и кричать «Да!» Достаточно сказать просто «спасибо» служителю бюро находок. Если вам не повезло, не обращайтесь внимания на боль в сердце и спокойно скажите, пожав плечами: «Ладно, это просто вещь».

Не нужно думать, что вас выбросили. Не нужно думать, что вас оставили. Не нужно думать, что вас забраковали. Вместо этого поставьте чемодан и представьтесь своей новой соседке по комнате.

По этим отрывкам сложно точно определить, что предлагается почувствовать читателю — искреннее принятие происходящего или же желание оставаться «непроблематичным» для окружающих. Судьба героев «Пловцов» прозаична и понятна в своем словесном изложении, но на эмоциональном уровне возникает зудящий на периферии восприятия экзистенциальный ужас и горькое сожаление.

Единственным источником открытого транслирования этого сожаления за судьбу Элис и становится позднее осознание связи с матерью ее дочери. Все последние воспоминания престарелой женщины касаются рождения и взросления девочки-первенца. Сама Элис давно приняла несбыточность своих ожиданий от остатка жизни, приняла свою болезнь, приняла одиночество и старость; но за материнскую кроткость и удобность для всех вокруг болит сердце у нас, у ее дочери. И чем сильнее печаль утраты у ребенка, тем более заметной становится маскировка искреннего страха перед смертью и желания изменить что-то в прошлом у матери.

Семейная драма в «Пловцах» некрасива и неправильна, в ней нет яркого завершающего воспоминания, которое дало бы читающему понять, что все было не зря, что на самом деле все герои понимали, насколько любимы и оберегаемы. Элис умирает с чувством брошенности в полной утрате рассудка, а ее муж и дочь в конце романа мы застаем в состоянии отчаяния и опустошения от невыполненного долга воздания любви. Однако в этом и заключается воздействующая поэтическая сила текста Джули Оцуки — мягкое и ненавязчивое изложение обыкновенной людской трагедии.

Анна ЯКОВЛЕВА